

Check for updates

Публикации и переводы

УДК 72.035(410.1)35

EDN ZRZHST

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2022-4-2-177-186>

Противопоставления, или Параллель между Благородными Постройками Средних Веков и соответствующими зданиями наших дней, показывающая нынешний упадок вкуса.

В сопровождении подобающего текста.

Написано О. Уэлби Пьюджином, архитектором.

Глава 1–2

О. У. Пьюджин

Перевод: В. В. Дегтярев^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия,
191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования: Пьюджин, О. У. Н. (2022) Противопоставления, или Параллель между Благородными Постройками Средних Веков и соответствующими зданиями наших дней, показывающая нынешний упадок вкуса. В сопровождении подобающего текста. Написано О. Уэлби Пьюджином, архитектором. Глава 1–2 (Перевод В. В. Дегтярева). *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 4, № 2, с. 177–186. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2022-4-2-177-186> EDN ZRZHST

Получена 5 октября 2022; принята 11 октября 2022.

Права: © В. В. Дегтярев (2022). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Contrasts: Or, A Parallel Between the Noble Edifices of the Middle Ages, and Corresponding Buildings of the Present Day, Shewing the Present Decay of Taste. Accompanied by appropriate Text. By A. Welby Pugin, Architect. Chapter 1–2

Agustus Welby Northmore Pugin

Translated by: V. V. Degtyarev 1

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Перевод выполнен по изданию: Pugin, A. W. (1841) *Contrasts: Or, a Parallel between the Noble Edifices of the Middle Ages, and Corresponding Buildings of the Present Day; Shewing the Present Decay of Taste*. London: Charles Dolman Publ., 194 p.

For citation: Pugin, A. W. N. (2022) Contrasts: Or, A Parallel Between the Noble Edifices of the Middle Ages, and Corresponding Buildings of the Present Day, Shewing the Present Decay of Taste. Accompanied by appropriate Text. By A. Welby Pugin, Architect. Chapter 1–2 (Translated by V. V. Degtyarev). *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 4, no. 2, pp. 177–186. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2022-4-2-177-186> EDN ZRZHST

Received 5 October 2022; accepted 11 October 2022.

Copyright: © V. V. Degtyarev (2022). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Глава I

О чувствах, породивших великие постройки Средних Веков

Если сравнивать Архитектурные произведения 3 минувших столетий с постройками Средневековья, чудесное превосходство последних, несомненно, поразит всякого внимательного зрителя; ум же, естественным образом, будет искать причин, вызвавших к жизни эту глубокую перемену, и стремиться отследить упадок Архитектурного вкуса со времени его первоначального повреждения, вплоть до нынешнего дня, что и образует предмет настоящей книги.

Отметим со всею готовностью, что пробный камень Архитектурной красоты есть соответствие облика здания (*design*) цели, для которой оно предназначено, и что стиль постройки должен настолько соответствовать ее назначению, дабы зритель мог немедленно распознать цель, ради которой она была воздвигнута.

Действуя в соответствии с этим принципом, различные нации породили множество разнообразных стилей Архитектуры, каждый из которых приспособлен к своему климату, обычаям и религии, и именно среди строений этого последнего рода мы ищем самых величественных и долговечных памятников, и нет сомнения в том, что именно религиозные идеи и церемонии этих разных народов имели величайшее и непревзойденное влияние в формировании различных стилей Архитектуры оных.

Чем ближе сопоставляем мы храмы Языческих наций с их религиозными обрядами и церемониями, тем более уверяемся мы в истинности сего предположения.

Каждый их орнамент и каждая деталь имели мистическое наполнение. Пирамида и обелиск Архитектуры Египетской, с ее Лotosовыми капителями, с гигантскими сфинксами и бесчисленными иероглифами, были не только причудливыми Архитектурными сочетаниями и орнаментами, но символами философии и мифологии сей нации.

В Классической архитектуре, опять же, не только формы храмов, разным божествам посвященных, различались, но и Архитектурные ордера и капители были в них разными; и даже лиственный орнамент фризов был символичен. Тот же принцип Архитектуры, порождаемой религиозною верою, мы можем проследить от пещер Элоры до друидических руин в Стоунхендже и Авербери; и во всех этих произведениях Языческой древности мы неизменно

увидим, что и план, и украшения постройки мистичны и символичны.

И неужели единое Христианство, с его возвышенными истинами, с его потрясающими таинствами должно быть ущербно в этом отношении и не обладать символической архитектурой для своих храмов, которая воплощала бы его доктрины и поучала бы его детей? Конечно же, нет: из Христианства возникла архитектура столь величественная, столь возвышенная, столь совершенная, что все порождения древнего язычества меркнут в сравнении с нею, опускаясь до уровня ложных и порочных доктрин, их породивших.

Остроконечная или Христианская Архитектура достойна нашего восхищения куда более, нежели обычные красота или древность — первую можно счесть делом суждения, вторая же, взятая сама по себе, не составляет доказательства превосходства — но только в ней одной можем мы найти *Христианскую веру воплощенную и ее ритуалы — изображенными*.

Три великие доктрины — об искуплении человека жертвою Бога нашего на кресте, о трех равных лицах, в едином Божестве соединенных и о воскресении мертвых — есть основание Христианской архитектуры.

Первая — крест — не только составляет собой план и форму Католической церкви, но и завершает собою каждый шпиль и фронтоны, и запечатлена как знак веры на всей алтарной утвари.

Вторую полностью проникнута треугольная форма арки и ее устройство, нервюры, и все детали построек.

Третья находит свое прекрасное воплощение в высоте и вертикальных линиях, которые считались Христианами с самых ранних времен эмблемою воскресения. Согласно древней традиции, по праздникам и во время Пасхи (*during the paschal time*) верующие молились стоя, что намекало на эту великую тайну. Об этом упоминают Тертуллиан и Св. Августин. *Stantes oramus, quod est signum resurrectionis*¹ — и последний Никейский собор воспретил преклонять колена по воскресеньям, а также с Пасхи до Пятидесятницы. Вертикальность, эту признанную эмблему воскресения, мы легко можем счесть причиною, по которой Христиане, стремясь достичь большей высоты при заданной ширине, обратились к стрельчатой арке. Я говорю «обратились», поскольку сама форма

¹ *Augustinus Hipponensis. Epistola 55: 15.* (2022) [Online]. Available at: http://www.augustinus.it/latino/lettere/lettera_055_testo.htm (accessed at 28. 02. 2022). (In Latin) — В. Д.

стрельчатой арки относится к глубокой древности, и сам Евклид был о ней превосходно осведомлен. Но не было никакой причины воспользоваться ею, покуда не был установлен вертикальный принцип. До этого Христианские церкви строились с оглядкой на внутреннюю высоту: в саксонских церквях были трифории и клерестории. Но какими бы они ни были высокими в сравнении с плоскими и приземистыми храмами классической античности, лишь введение стрельчатой арки² позволило строителям почти что удвоить высоту здания при неизменной его ширине, что ясно показывает приведенный разрез (иллюстрация). Но не выдают ли все черты и детали церкви, возведенных в течение средних веков, своего происхождения, и не показывают ли, в то же самое время, торжества Христианской истины? Как у самой религии, их основание есть крест, и с него они поднимаются в величии и славе. Высокий неф и хоры вкупе с еще высочайшими башнями, увенчанными пучками пинаклей и шпилей, направленных к небесам — прекрасные эмблемы светлейшей надежды Христиан и посрамления язычников; крест, высоко вознесенный в славе — знак милости и прощения — венчающий священную постройку и помещенный между гневом Божиим и прегрешениями града.

Изображения святых мучеников, каждый из которых несет орудия жестокой смерти, которыми глупость языческая стремилась выкорчевать, с самыми жизнями их, открывшиеся им истины, заполняют каждую нишу из тех, что обрамляют покатые края дверных проемов. Над ними возвышаются изображения херувимов и владыки небес, перемежаемые патриархами и пророками. Над главным входом расположен купол или страшный суд, божественная милость, радость благословенных душ, отчаяние осужденных. Каких только образов для созерцания не предоставляют эти величественные порталы Христианину, в то время как он приближается к дому молитвы! — и все они тонко продуманы, чтобы вызывать чувства благоговения и благочестия, подобающие святому месту. Но если наружность храма столь смущает душу, то какой же всплеск величия открывается глазу проходящего сквозь ряд величественных столпов, поднимающихся к высокому и украшенному своду! Глаз теряется в лабиринте нефов и боковых часовен; каждое окно лучится священными поучениями и искрится рдеющими священными красками; пол

² Введение четырехцентровой арки можно рассматривать как первый симптом упадка Христианской Архитектуры, основанием которой был вертикальный принцип или остроконечность.

вымощен богатой эмалью, перемежающейся бронзовыми мемориальными досками в честь отошедших душ. Каждая капитель и база исполнены так, чтобы представлять какую-то из священных тайн; огромная алтарная преграда, с лампадами и изображениями, сквозь центральную арку коей, в отдалении, виден высокий алтарь, блистающий золотом и камнями, осененный золотым голубем, земным табернаклем Высочайшего, пред которым горят три негасимые лампы. Свято место сияет; мягкий свет, мерцающие свечи, могилы верных, разнообразных алтари, почитаемые изображения праведных — все соединяется, чтобы наполнить душу благоговением и запечатлеть в ней возвышенность Христианской службы. Когда же глубокие голоса колоколов с высоких кампаний, сзывающие людей в дом молитвы, умолкают и торжественное пение хора заполняет все просторное здание, холодным, воистину, должно быть сердце того, кто не воскликнет вместе с псалмопевцем: *Domine dilexi, decorem domus tuae et locum habitationis gloriae tuae*³.

Такое воздействие на человеческую душу может быть произведено лишь теми строениями, весь состав коих порожден людьми, чьи помыслы были всецело проникнуты преданностью той религии, для отправления обрядов коей они были воздвигнуты. Все их усилия направлены были к достижению совершенства; ими двигали намного более благородные побуждения, нежели упования на денежное вознаграждение или даже восторг и восхищение рода человеческого. Они чувствовали себя причастными к одному из самых славных занятий, выпадающих на долю человека — к воздвижению храма, где почитают Бога истинного и живого.

Этим чувством были движимы единообразно как руководитель, замышлявший постройку целиком, так и терпеливый ваятель, чье долото вырезало каждую из разнообразных и прекрасных деталей здания. Это чувством воодушевляло каменщиков древности не прекращать своих усилий, несмотря на тяготы и опасности, пока их гигантские шпили не вздымались к самым областям облаков. Это чувство вдохновляло прежних служителей церкви посвящать свои доходы этой благочестивой задаче, и вкладывать труд собственных рук в завершение работы; и проявления этого чувства можно видеть в каждом из многочисленных сооружений Средних Веков, что, несмотря на великое разнообра-

³ Пс. 25: 8. В синодальном переводе — «Господи! возлюбил я обитель дома Твоего и место жилища славы Твоей» — В. Д.

зие способностей, которое обнаруживают их многочисленные украшения, до сего дня свидетельствует о единой цели, которая воодушевляла их строителей и художников.

Они не заимствовали своих идей из языческих обрядов, и не искали украшений среди идолопоклоннических эмблем чуждого народа. Утверждение и распространение Христианской веры и таинства и церемонии Церкви создали широкое и благородное поле для упражнения их талантов; и неопровержим тот факт, что любого рода художники, процветавшие в те славные времена, черпали сюжеты из этого неиссякаемого источника и направляли свои величайшие усилия на украшение церковных построек.

Вера наших предков, их рвение и, прежде всего, единство сообщали им способность задумывать и возводить те чудесные постройки, что стоят до сих пор, вызывая в нас изумление и восхищение. Они были воздвигнуты для самых торжественных обрядов Христианского служения, когда самый термин «Христианский» имел только одно значение в целом мире; когда слава дома Божьего была для человечества важным делом, когда люди веровали пылко, были щедрыми в своих приношениях, и преданными делу Церкви. Мне известно, что нынешние писатели относят многочисленные церкви, построенные в Средние Века на счет действия суеверия. Если же мы веруем в великую Христианскую истину, свидетельствующую, что нынешняя жизнь есть лишь приготовление к будущей, и что приготовление к будущей жизни составляет наиважнейшее занятие для человека, многочисленность церковных зданий во времена искренней веры может быть истолкована как следствие намного более благородных побуждений, нежели считают обычно.

На это можно возразить, и не без оснований, что, если бы остроконечная Архитектура была следствием Христианской веры, она появилась бы раньше. Но, если мы изучим историю Церкви, мы увидим, что длительный период между утверждением Христианства и расцветом Христианского искусства может быть объяснен самым удовлетворительным образом. Когда Католическая вера была впервые исповедана, все искусство было посвящено служению неправде и непристойности. В то время великие и ужасные гонения первых веков полностью исключили обращение к искусствам среди ранних Христиан. Потрясения, вызванные падением Римской империи, и уничтожившие на время все практические средства искусства, были достаточной причиной для варварского состо-

яния Архитектуры того времени, когда же Христианство распространилось по всей западной Европе, и вдохнуло свое целительное и облагораживающее влияние в сердца обращенных народов, искусство восстало в чистоте и славе; и так же, как оно было ранее посвящено услаждению чувств, ныне оно обратилось к душе и, возвышенное величием таинств Христианства, облагороженное его возвышенными добродетелями, оно достигло совершенства, неизмеримо превосходящего все его бывшие достижения; не сводясь более к чувственному и человеческому, оно посвятило себя духовному и божественному. Христианское искусство явилось естественным следствием развития Католического чувства и набожности; и его упадок следовал из упадка самой веры; и все возобновленные классические постройки, будь то в Католических или в Протестантских странах, есть свидетельства прискорбного отпадения от истинно Католических истин и чувств, что будет показано в нижеследующей главе.

Глава II

О возрожденном языческом начале

«Древние язычники были, по крайней мере, последовательны; в своей архитектуре, в символах и скульптуре они преданно воплощали заблуждения своей мифологии, но современные Католики возродили это нечестие, противореча разуму и составили свои церкви, свои картины, свои изображения из презренных образцов языческого заблуждения, поверженных торжеством Христианской истины, воздвигая храмы распятому искупителю на манер Парфенона и Пантеона, изображая Предвечного Отца, сходным с Юпитером, пресвятую Деву в виде задрапированной Венеры или Юноны, мучеников — как гладиаторов, святых — как сладострастных нимф и ангелов в виде купидонов». — Переведено из: “De l’Etat Actuel de l’Art Religieux en France”, par M. le Comte de Montalembert. Paris, 1839.

Не знаменует ли, сколь странно бы это ни было, почти каждое здание, возведенное в течение нескольких последних столетий, что после того, как Христианство всецело отвергло порождения Язычества, с его ложными учениями, и когда под его святым и очищающим влиянием был создан новый возвышенный стиль искусства (во всех отношениях соответствующий его вере и обычаям), его последователи в последующие века забыли это славное достижение

своей религии, чтобы вернуться к развращенной языческой чувственности, столь блестяще побежденной их предшественниками в вере, и обратили святейшие тайны Христианства — ужасное святотатство! — в средство для ее возобновления.⁴ Однако любая церковь, возведенная со времен римского Св. Петра⁵ и позднее,

⁴ Почти все известные художники последних трех столетий вместо того, чтобы создавать свои работы из благочестивых чувств и тяги к наставлению верующих, искали повода выставить свое искусство напоказ и жаждали приращения славы, и нередко поэтому избирали наименее поучительные сюжеты из святого писания, как-то: Лот с дочерьми, целомудрие Иосифа, Сусанна и старцы, и многие другие в подобном роде, потому лишь, что они давали предлог для изображения языческой наготы; даже Св. Себастьян чаще был изображаем по этой причине, а вовсе не из почтения к стойкости святого мученика. И что может быть большим нечестием, чем делать изображения самых святых деятелей всего лишь средством для увековечения черт не самых достойных из живущих, имеющих наглость быть представленными в виде святых, апостолов, и даже Пресвятой Девы и самого Спасителя, — отвратительный обычай, примеры которого слишком многочисленны, и который составляет столь разительное противоречие со смиренным благочестием времен истинной веры, когда жертвователи священных изображений представляли коленопреклоненными в молитве в углу картины, сопровождаемые святыми покровителями и часто снабженные свитками с благочестивыми изречениями, исходящими из их уст.

⁵ Удивительно, что это сооружение обычно считается *ne plus ultra* Католической церкви, хотя, как Христианская постройка она несравнима ни с йоркским Св. Петром, ни со Св. Петром в Вестминстере, в каждом из которых все подлиннее детали и эмблемы — чистейшего Христианского облика, и ни одна деталь не заимствована из языческой античности; и хотя эти священные громады были прискорбным образом осквернены и лишены более, чем половины своей изначальной красоты, они все еще пробуждают более сильное чувство религиозного благоговения, чем их тезка в Риме, пусть и в зените славы, со всеми своими мозаиками, позолотой и мраморами. Как справедливо замечает английский автор, более тридцати миллионов Католических денег, собранных, по большей части, в островерхих соборах Христианского мира, были истрачены в попытке приспособить классические детали к Христианской церкви, самая идея какового приспособления выдает невиданный упадок духа. Св. Петр, как и другие здания того же времени и стиля, должен вызывать самые меланхолические ассоциации во всякой Католической душе — он знаменует собой фатальный период великой схизмы и вспышку губительной ереси. Англия — некогда ярчайшая драгоценность в короне Церкви — отделилась от Католического единства; ее славнейшие церкви были разрушены, верующие оказались в рассеянии, а духовенство — в кабале. Францию — царство Святого Людовика — захватили Кальвинисты, разрушив соборы, предав аббатства алчности мирян, и первые семена ужасной революции были рассеяны. В Германи, Швеции, Голландии и немалой части Нижних Земель — то же самое. На один дом молитвы, основанный с этого фатального времени, приходится пять сотен разрушенных и подавленных; на одного канонизированного святого приходится тысяча откровенных безбожников; на одну обращенную страну — шесть потерянных. Вот что сопровождало великий ренессанс или возрождение классического искусства, которому наши современники настолько отдают предпочтение перед великолепными работами, созданными верою, рвением и истовостью Средних Веков; таковы были результаты возрожденного язычества, начавшегося класси-

дает множество разительных примеров отпадения от чистых Христианских убеждений и Архитектуры; и не только нынешние церковные мужи приняли низменный стиль в новейших постройках, но и не оставили ни одной из великих построек древности не искаженной новыми неприглядными и неуместными добавлениями. Эта тяга к проявлениям язычества захватила все разряды построек, создававшихся после пятнадцатого столетия — дворцы, особняки, частные дома, общественные здания, памятники почившим; она добралась даже до мебели и столовых приборов: и, если бы это не выходило за рамки моей задачи, я мог бы показать, что она заразила собой обыденную речь и различима в нынешних нравах и правлении.

Самые прославленные дворцы Европы есть наиболее языческие из всех возможных построек; в Версале, Тюильри, Лувре, Сен-Клу, Фонтенбло, в Брюсселе, Мюнхене, в Букингемском дворце мы тщетно стали бы искать единственного Христианского символа или украшения. Оформление садов, террас, передних, вестибюлей, галерей и палат, потолков, панелей, окон или фронтонов взято из языческой мифологии. Боги и богини, нимфы и демоны, тритоны и купидоны, повторяющиеся *ad nauseam*, все изображенные в наивыгоднейшем свете, с расчетом на новейшего язычника, для коего угодливые (*sympothant*) художники создали роскошные чертоги. В новом Букингемском дворце, где стоимости мраморной арки хватило бы, чтобы возвести прекраснейшую церковь, нет даже часовни для божественной службы; так что и по внешности, и по устройству он совершенно не подходит для Христианского жилища, и составляет самый прискорбный и убогий контраст с древним Вестминстерским дворцом, в каковом нынешний непревзойденный Зал был гостеприимным рефекторием, а прекраснейшая часовня Св. Стефана — домашней капеллой.⁶ Это в самом

цизмом шестнадцатого столетия, созрело в мифологических дворцах *Grand Monarque*, и лишь достигло высшей точки в Великой французской революции, когда его принципы были полностью осуществлены в резне духовенства, открытом исповедании неверия и в проститутке, выставленной напоказ над алтарем Господа.

⁶ Немногим известна пышность этой некогда славной часовни, которая превосходила, кажется, все существующие памятники острокопечного искусства (*pointed art*); вся внутренность ее была покрыта изысканной живописью и *diapering*. Общество Антиквариев награвировало некоторые из них; в Бриттоновой *Истории Архитектуры* верно отображены нижние ее части.

Джон Картер приводит гравюры частей капеллы в своей *Древней Архитектуре*, и, хотя крыша им восстановлена неверно, в других отношениях его таблицы дают удовлетворительное представление об этой чудесной постройке. Ее выдающиеся красоты, однако ж, не нашли отклика у нынешних

деле была благородная постройка, достойная Английских монархов, каждая палата в которой была изукрашена эмблемами их веры и страны. Среди прочих выделены были изображения Св. Георгия и Св. Эдуарда, чьи имена в часы бедствий воодушевляли Англичан в неравных битвах с чужеземными врагами. Но эти святые имена, столь прославленные в истории нашего отечества, и одно произнесение которых производило такие чудеса в старину, не действуют на нынешние уши. Вместо их благочестивых изображений у нас теперь языческая Виктория или Минерва, а хоругвь Англии вывешена на шесте, торчащем поверх груди закопченного мрамора, почему-то названной триумфальной аркой, которая пытается заменить собой стрельчатые врата древнего дворца.

Куда как любопытно наблюдать необыкновенную перемену в украшениях деревянных домов во Французских городах, произошедшую в краткий промежуток между царствованиями Карла VIII и Франциска I. Перед царствованием первого и в его время, и даже при Людовике XII все орнаменты на частных домах были Христианскими. Над входными дверями часто вырезали Благовещение нашей Пресвятой Девы; святые в крытых нишах составляли неизменное оформление консолей и опор; вдоль стропил и подстропильных балок или на свитках в руках ангелов часто вырезали религиозные изречения: так, любая деталь имела благочестивое и Католическое значение. Но как только были внедрены начала нового язычества, эти священные предметы исчезли: их место заняли басни Овидия, классические герои, двенадцать Цезарей и подобные этому образы. Пока Католическая вера и благочестие были едины, их плоды были совершенно одинаковы в разных странах. Между надгробными монументами Английских клириков прежних времен и древнего Римского священства вряд ли заметна какая-либо разница;⁷ мы видим одинаковые пышные ризы,

полуварваров, которые оборудовали ее для Палаты Общин в стиле, сходном с методистской молельней. Части старых изысканных украшений угадывались за неприглядными добавлениями, пока великий пожар полностью их не уничтожил. *Древности Старого Вестминстерского Дворца* Бриттона и Брейли содержат множество интересных видов здания, каким оно предстало после пожара.

⁷ Было бы ошибкою полагать, будто Христианская или остроконечная архитектура не развилась в эпоху веры в Италии столь же полно, как в других странах. Прежде ее образцы были там весьма многочисленны; но поскольку она была центром (fountain-head) Языческого возрождения, лишь некоторые из этих памятников древнего благочестия сохранились неискаженными, великое же множество таковых было полностью разрушено. В Ассизиуме есть несколько прекрасных остроконечных церквей, среди них одна, трехчастная —

одинаковые торжественные облачения, одинаково простертые тела с руками, благоговейно сложенными, словно в молитве, одинаковые краткие и Католические надписи, одинаковых ангелов в изголовье. Однако на монументах последующих времен от этих прекрасных деталей не остается и следа. Перевернутый факел, палица Геркулеса, сова Минервы и урна с прахом высечены, вместо ангелов и святых, на могилах пап, епископов, королей, клириков, государственных мужей и воинов, часто — в сопровождении Языческих божков в их Языческой наготе; благочестивая молитва за души усопших заменена длинной и напыщенной надписью, перечисляющей их добродетели и подвиги. И, хотя постыдная непоследовательность этих памятников может не выглядеть столь вопиющей в современных церквях Итальянского стиля, где они частично сочетаются с Язычеством остальной части здания, но вторгнувшись под величественные своды Вестминстера или Кельна, и расположившись рядом с древними мемориалами почивших праведников, где каждая ниша и украшение дышат духом Католического благочестия, они бросают вызов Христианским чувствам.

Мебель, сделанная при Генрихе VII и Франциске I и позднее, проявляет тот же низменный и Языческий характер украшения, отмеченный мной в отношении домов; и эта досадная перемена стиля распространилась на все произведения искусства и ремесла; когда же к этому пытались добавить что-либо Христианское или

несравненного облика и исполнения, своды и стены ее покрыты фресками лучшего стиля Христианского искусства. Кивории или балдахины над высокими алтарями базилик все были в остроконечном стиле. Церковные украшения из древней базилики Св. Петра, малая часть из которых хранится в Ватиканском собрании, великолепны и тех же формы и стиля, что и в старых Английских соборах того же времени.

Если бы главы Католической церкви не пребывали столь долго в Авиньоне, Рим обогатился бы великим множеством зданий чистейшего Христианского стиля. В первом из двух городов — могилы пап, изысканные и прекрасные, и соответствующие по стилю и работе нашим лучшим памятникам времени Эдуарда III. В продолжение Средних веков Италия была средоточием Христианской живописи, произведя на свет самую замечательную плеяду (race) Католических художников, меж коими выделяются Джотто, Андреа Органья (Orgagna), Фра Анжелико, Перуджино и Рафаэль. Если студенты, прибывающие в Италию изучать искусство, пойдут по стопам великого Овербека, и, в равной мере избегая заразы ее древнего и новейшего Язычества, обратятся к изучению ее Христианских древностей, они извлекут из этого поистине великую пользу. Итальянское искусство XIII, XIV и XV столетий есть beau ideal Христианской чистоты, достойный всяческого подражания; когда же оно отринуло свои чистые, мистические и древние образцы, чтобы следовать образцам чувственного Язычества, оно погрузилось в упадок, и все, что она произвела в последние три столетия в любом роде, стоит знать лишь для того, чтобы избегать подобных вещей.

священное, его настолько маскировали классическими формами, что становилось неотличимым от Языческих вещей, коими было окружено. Вся идея почтения к священным изображениям была утрачена, и самые священные эмблемы оказались сведены на уровень простого орнамента и перемешаны с величайшими непристойностями.

Не столь давно я видел кинжал шестнадцатого столетия, несомненно применявшийся для убийств, клинок коего был расчерчен в соответствии с ценой крови, возраставшей с глубиной погружения стали в тело жертвы. Но рукоять этого убийственного инструмента (самый вид которого наполнит ужасом всякую Христианскую душу) была увенчана изваянным из слоновой кости образом пресвятой Девы с Господом нашим, под ними же помещались Диана с Актеоном!! Я со всей готовностью приведу множество других примеров, показывающих полное исчезновение Католического искусства и чувств в это достопамятное время. Сами церковные печати, форма которых всегда напоминала *Vesica Piscis*, то есть рыбу, символ святого Господнего имени, сделались круглыми, в подражание классическим медалям, рабски воспроизведенным вплоть до мельчайших орнаментов.

Торжество этих новых и упадочных представлений над древним Католическим духом составляет печальное свидетельство упадка веры и нравственности в то время, когда они были заведены и которому они на самом деле обязаны самым своим появлением. Протестантизм и возрожденное Язычество происходят из одного времени, из одного источника, и ни тот, ни другое не появились бы на свет, если бы Католический дух не скатился до самого низкого уровня. Первые открыто разрушали и грабили; пагубные же набеги вторых маскировались под улучшения и классические реставрации. В целом стоит признать, что топоры и молоты пуританских сект были далеко не столь опасны или чреватые продолжительными бедами, как резцы и кисти новейших Языческих художников, которые, внедряя злокачественные идеи и образы в самое сердце истинной религии, сворачивали слабых рассудком и заставили тысячи из тех, кто восстал бы на *открытое уродование* церковной архитектуры, содействовать в ее разрушении, будто бы заменяя ее более декоративными сооружениями. Я привожу здесь гравюры трех родов алтарей, чтобы проиллюстрировать свои убеждения⁸.

⁸ По техническим причинам мы не воспроизводим эти иллюстрации — В. Д.

В первом — истинно Католическом — каждая часть дышит духом чистоты и благочестия; святые тайны изображены в мистической и благоговейной манере; фигуры скромно задрапированы, позы ангелов скромны и исполнены благочестия; занавеси, вышитый покров, два канделябра и крест, все в строгом соответствии с духом Католической древности.

Во втором случае алтарь используется для Католических целей, но выполнен в низменном и нечестивом стиле, в чем проявляется возрожденное Язычество. Непристойные одежды и позы фигур, долженствующих изображать святых (но воспроизведенных с гнусных моделей Языческой древности), классические детали, не имеющие подобающих значений, пустые и ничтожные украшения, более подходящие для модного будуара, нежели для алтаря, все говорит о полной утрате истинно Католического начала в искусстве.

В третьем изображены последствия разрушительного или Протестантского начала. Изначальные образы алтарной преграды сбиты и обезображены; сам алтарь, долгие годы служивший для самых священных таинств и покрытый дорогими украшениями, разграблен и разрушен, а его место занял дешевый и уродливый стол, на котором находятся книга и миска, означающие, что он время от времени служит для крещения, вместо древней купели, которую, судя по всему, убрали и используют для какой-нибудь низкой цели. Королевский герб, занявший привычное место Спасителя, знаменует собой временный упадок страдающей Церкви, уничтоженной мирскими властями.

На месте подлинного богатого и великолепного окна, остаются только несколько разрозненных частей, неловко соединенных вместе, да и те, скорее всего, выбросят при следующем ремонте; все вместе достоверно изображает Протестантское осквернение и небрежение.

В Англии, как будет показано на следующих страницах, здания страдали почти исключительно через разрушительное или Протестантское начало; однако, как мне случилось сказать ранее, оно было лишь последствием Католического вырождения, и в их бесчинствах мы должны видеть бедствие упадочной и уступчивой Церкви Англии. Поскольку все содержание первого издания нашей книги относилось к этой стране, неудивительно, что от меня укрылось возрождение Язычества, и потому я приписал утрату Католического искусства исключительно на счет Протестантских взглядов; сейчас я со всей готовностью стремлюсь исправить мою ошибку и намерен описать истинную роль каж-

дого из принципов в разрушении Христианских творений, я был совершенно прав в том абстрактном факте, что совершенство искусства было достигнуто лишь в Католичестве, но я не провел должного различия между Католичеством в его собственных почтенных одежнях и наряженным в современные одежды Языческого нечестия.

Но насколько бы ни были ущербны мои предыдущие усилия, мои намерения, как тогда, так и сейчас, заключаются в том, чтобы показать на примере произведений и обычаев католической древности намного более высокие образцы совершенства, чем все, достижимое сейчас. Если бы только направить людей, чтобы они узрели Католическую истину, не такой, как она является ныне, не искаженной предрассудками, но в ее древнем торжественном облачении, сколь велики были бы последствия этого! В Англии Католичество (чистейшую веру милостивого Спасителя) связывают обыкновенно с казнями, дыбкой, инквизицией, пытками, кинжалами, отравлениями, и со всеми теми ужасами, что хитрые и безнравственные политики творили во все времена, прикрываясь именем и одеждами религии; слухи же об этом, будучи многократно преувеличены, распускаются самым хитроумным образом. С другой стороны, внешность и дела Церкви в настоящее время настолько пришли в упадок, что трудно даже сообщить взыскующему правды, где он может наблюдать обряды Церкви, исполненными с достоинством древности.

Только сообщаясь с духом прошедших веков, проявляющимся в жизни подвижников былых времен, в их великолепных памятниках и работах, можем мы достигнуть понимания того, какие красоты мы потеряли, или принять должные меры к восстановлению оных.

Воистину, пришло время сбросить оковы Язычества, поработившего Христиан последних трех столетий и обратившего благороднейшие усилия их душ от поисков истины к воспроизведению неправды. Едва ли не все разыскания современных антиквариев, живописных школ, национальных музеев и собраний⁹ направлены

⁹ Любой бесформенный обломок, любой глиняный горшок, любая надпись, которую невозможно прочесть, будучи античными, удостоится пьедестала или стеклянного футляра в нашем национальном музее. За языческий бюст или камею никакая цена не покажется слишком высокой, но любой предмет Католического и национального искусства будет сурово изъят из собрания. В этом обширном учреждении нет ни единой комнаты, ни даже полки, посвященной прекраснейшим изделиям Средних Веков. В этом отношении мы отстаем от всех прочих Европейских стран. В Париже, посреди всех Языческих собраний Лувра, Христианский исследователь

были на то, чтобы развратить вкус и отравить разум, выставляя классическое искусство верхом совершенства и помещая натуралистические и чувственные произведения на место мистических и божественных.

Перед тем, как возрождать истинный вкус и Христианские чувства, следует переменить все распространенные в наше время представления на этот счет. Людям следует узнать, что период, донныне называемый темным и невежественным, намного превосходил по мудрости нынешний век, что искусство прекратилось именно тогда, когда было, якобы, возрождено, что суеверие в действительности было благочестием, а ханжество — верою. Известнейшие имена и деятели должны будут уступить место другим, сейчас малоизвестным, а прославленные сооружения современной Европы — сделаться бесформенной массой рядом с пребывающими в небрежении громадами Католической древности. Если отвержение предвзятых мнений и последующая утрата извлекаемого из них наслаждения сочтена будет великой жертвою, не предоставит ли открывшийся пред нами новый прекрасный мир более, чем равноценную замену этому? Что за наслаждение — найти до сих пор неизвестную плеяду отечественных художников, в неизвестных и презираемых произведениях которых открывается истинное мистическое чувство и совершенное исполнение, и чьи прекрасные композиции послужили прообразами для многих известнейших картин более новых школ; сколь изысканные следы скульптурного мастерства¹⁰ похоронены под

найдет прекрасные образцы эмалей, резьбы по слоновой кости, драгоценностей, серебра, чеканки любого периода, выполненных в первом стиле Католического искусства. В Нюрнберге, Руане и во многих провинциальных городах есть общедоступные и весьма интересные галереи Христианских древностей. И лишь Англия, где подобное собрание составить легче всего, этого лишена. У нас есть множество надгробных памятников. Если снять верные слепки с изображений королевских особ и церковных деятелей, что еще сохранились в соборах и других церквях, раскрасить их в соответствии с оригиналами и расположить в хронологической последовательности, сколь прекрасную картину национальной истории они бы составили; и все это возможно сделать с издержками куда меньшими, чем потребны для перевозки чудовищного обломка Египетского бога с Нильских берегов.

¹⁰ При раскопках Аббатства Св. Марии в Йорке были обнаружены изысканные орнаменты и фрагменты резьбы, захороненные под скопившимся мусором. Трудно усомниться в том, что путем тщательных раскопок будут открыты многие интересные памятники и прекрасные образцы древнего ремесла. Раскопки в Аббатстве Св. Марии оказались весьма удачны, хотя находки вряд ли способны уравновесить отвратительное здание с Греческим портиком и двумя крыльями, воздвигнутое на месте части аббатства, и то, что попасть в это благородное место можно лишь через какую-то сторожку

зелеными холмами, отмечающими руины некогда прекрасных церквей; сколь оригинальные замыслы и мастерское исполнение обнаруживают детали множества сельских и приходских церквей!¹¹ Нет нужды посещать отдаленные берега Греции и Египта, чтобы совершать открытия в искусстве. Англия сама изобилует затерянными и неизвестными древностями, представляющими большой интерес. И что за безумие, оставляя в небрежении собственные религиозные и национальные виды архитектуры и искусства, поклоняться возрожденным капищам древнего нечестия и осквернять храм распятого Спасителя архитектурой и эмблемами языческих богов. Языческий зверь, царствовавший столь долго и наложивший такой отпечаток на умы человечества, стремится ныне к падению; и, хотя он слишком велик и силен, чтобы ждать его немедленного падения, все же с его отвратительной личины сорвана маска, и силы его противников возрастают день ото дня. Система уже получила несколько фатальных ран. Великий Овербек,¹² принц Христианских художников, взрастил школу мистических и религиозных художников, быстро приводящих к посрамлению натуралистическую и чувственную школу искусства, в которой новейшие последователи Язычества столь долго оскверняли изображения священных лиц и событий. Во Франции г-н граф Де Монталамбер (муж, о котором, как о доминиканце Савонароле, можно сказать *sans reproche, et sans peur*), полно-

Риджентс-парка. Трудно было бы возвести что-либо более бестактное в соседстве с одним из чистейших образцов Христианской архитектуры в стране.

¹¹ В Англии вряд ли найдется хотя бы одна древняя приходская церковь, не содержащая каких-либо примечательных объектов. Скульптурные детали церквей, воздвигнутых во времена первых трех Эдуардов, изысканно красивы. Придерживаясь правила никогда не проходить мимо древней церкви, не обследуя ее интерьера, я недавно посетил маленькую церковь не весьма примечательной наружности возле Стамфорда, в которой обнаружил красивую семейную часовню и две крытые ниши в ней, превосходящие в замысле и исполнении все, что я видел раньше. Некоторые из полуразрушенных и почти заброшенных церквей вдоль Норфолкского берега представляют собой рудники прекрасных резных орнаментов. Сколь мало мы в действительности знаем о старом Английском искусстве. Прославленный собор привлекает наше внимание, но единицы снисходят до множества благородных церквей, стоящих вдоль ненаезженных дорог, где бесхитростность сельских жителей сохранила священную постройку намного лучше, чем суета богатых городов.

¹² Все, кто радеет о возрождении Католического искусства, должны иметь у себя гравюры с работ этого великого художника, восстановителя Христианской живописи в Риме. Он был воспитан в заблуждениях Лютеранства, но несколько лет назад воспринял истину Католичества, вместе с несколькими товарищами-художниками, посвятившими, как и он, свои усилия религии, изображая ее таинства в благородной и смиренной форме прежних дней.

стью обнажил пагубные действия современно-го Язычества на Христианские чувства и памяти; и его разоблачения этих заблуждений и exposition Католического искусства и правды уже вызвали существенное исправление вкусов и взглядов в этой области; и многое уже напечатано, а еще больше готовится к печати, о превосходстве презренных Средних Веков.

Великолепен труд г-на Рио о Христианской Живописи, который должен обратить многих к древнему искусству. В Англии сделано многое для возрождения Католической древности, и в главном университете зародился благородный дух, и было создано общество ученых мужей для изучения и сохранения Христианской архитектуры. Наши церковные древности считаются теперь достойными кропотливого исследования и искусного изображения. Нововведения все чаще осуждаются, восстанавливаются заложенные арки и окна, смывается побелка и заново вставляются цветные стекла. Это хорошие знаки, обещающие многого в будущем. Верно, что те, что наиболее ревностны в великом возрождении Католического искусства, пока невелики числом, и в глазах большинства представляются фанатиками или, по крайней мере галлюцинирующими безумцами, однако же они могут позволить себе снести любые насмешки и поношения в погоне за своей святой и высокой целью. В чем же, спрошу я, по беспристрастном и спокойном исследовании всех мнений, заключаются фанатизм и причуды? Не в том ли предположении, что искусство достигло куда большего совершенства под облагораживающим и очищающим влиянием Христианской веры, нежели под влиянием Языческого нечестия?

Не в предположении ли, что символ нашего спасения и образы святых деятелей более подходят для жилища Христианина, нежели статуя сладострастной Венеры или картинка из языческих басен?

В предпочтении торжественных гимнов, написанных самим Св. Григорием, и неоднократно утвержденных соборами и всем обычаем древности, как более приспособленных к пению божественных псалмов, и службам Церкви, нежели экстравагантные сочинения неверующих композиторов?

В предпочтении, отдаваемом замкнутым квадратным постройкам с башенками для помещения колледжей перед длинными Итальянскими особняками с фронтонами?

В следовании для церковного строительства архитектуре, произошедшей из самой веры, вместо приспособления ублюдочных (*bastard*)

подражаний Языческим сооружениям, недостойных столь священной задачи и несоответствующих ей?

In fine, в предпочтении самоотверженных, милосердных, благочестивых и искренних обычаев эпохи веры, как более достойных восхищения и подражания, роскошеству, разврату и неверию наших дней?

Конечно, если все это — фанатические представления, тогда самой Католическая истина есть фанатизм, поскольку все эти мнения основаны именно на ней. И как бы на них не нападали какое-то время, в результате они непременно возобладают. Тепло не более необходимо

для Восточной экзотики, чем Христианская атмосфера — для верующих. «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты» — пословица неприятная, но истинная. И посему, когда я вижу человека, исповедующего Христианство, но, пренебрегая таинствами веры, святыми истинной Церкви и красотами религии, окружающего себя непристойными и нечестивыми мифологическими баснями и ложными божествами Язычества, я предположу, не погрешая против милосердия, что, хотя он и полагает себя сыном Рима Христианского, его сердце принадлежит сему граду во дни Язычества.

Сведения о переводчике

Владислав Владимирович Дегтярев

ORCID: 0000-0002-7720-2028, e-mail: vladislav.degtyarev@gmail.com

Кандидат культурологии, старший научный сотрудник Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Translator

Vladislav V. Degtyarev

ORCID: 0000-0002-7720-2028, e-mail: vladislav.degtyarev@gmail.com

Candidate of Sciences (Cultural Studies), Senior Research Fellow, Herzen State Pedagogical University of Russia